

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

БЛР. ЛАПКЛА „ЗАПЛАТА“ — БАЛТИЗМ ИЛИ „ПСЕВДОБАЛТИЗМ“?

В словаре Ю. Лаучюте белорусское слово было отнесено к числу балтизмов — вместе с такими словами, как *lápa*, *zálápa*, *lápek*, *lapéka*, *láпень*, *láпнянь*, *láпiк(a)*, *láпiнка* „заплата“, а также *lapík* и *láпiка* „(небольшой) участок земли“¹. Основные аргументы в пользу балтийского происхождения приведенных слов: типичные для славянских балтизмов колебания в передаче рода (*lap-ík* ~ *láп-ík-a* ~ *láп-ík-o*), специфически балтийский суффикс *-kl-* у слова *láпiкла* и, наконец, — ареал, в котором засвидетельствованы эти и родственные им слова (БССР, русские говоры ЛатвССР, ЛитССР, ЭССР, смоленские говоры).

В. Урбутис привел целый ряд интересных аргументов в пользу славянского происхождения перечисленных выше слов, считая, что речь здесь должна идти не о заимствовании, а об исконном родстве². Рассмотрим все основные относящиеся сюда *pro et contra*, чтобы выяснить, какая из приведенных двух точек зрения может считаться более правдоподобной.

Основная трудность в решении этого вопроса заключается в том, что по причине исключительной близости балтийской и славянской лексики в обоих ареалах встречаются производные с основой *lop-/lap-*, генетически, видимо, связанные между собой. Причем и в балтийском, и в славянском наблюдаются обе приведенные огласовки корня. Об этом свидетельствуют лит. *lāpas* ~ *lopas* (Fraenkel LEW, S. 386), рус. диал. *láпоть* = *лópоть* „одежда“ (СРНГ 16, с. 266 и 17, с. 141–142) и др. Лексическая изоглосса (кажется, еще не отмеченная в литературе) лит. диал. *lāpatas* „рваная одежда; лоскут“ — рус. диал. *лóпот* „поношенная одежда; лоскут“ (Олонецк.), *лóпоты* (мн. ч.) „тряпки, рваная одежда“ (Волог. — СРНГ 17, с. 138 и 141) также свидетельствует и о связях между основами *lop-* и *lap-*, и о наличии идентичных по своей форме и по значению слов с этой основой как в балтийском, так и в славянском ареале.

¹ Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. С. 117–118 (в дальнейшем — СБ).

² Urbutis V. Slavų kalbų pseudobaltizmai. Baltistica. 1984. T. 20 (1). P. 34–36.

Однако, если мы возьмем простейшие именные и глагольные образования с основой *lor-/lan-*, то окажется, что и в литовском, и в латышском языке они надежно представлены: лит. *lõpas* = лтш. *lāps*, лит. *lõpyti* = лтш. *lāpīt*. Иная картина — в славянском ареале. Слово *lána* в значении „заплата“ известно только в диалектах белорусского языка и в русских говорах на территории ЛатвССР (СРНГ 16, с. 260). Ни в одном другом славянском языке это слово не встречается. Примерно тот же ареал у блр. *lániць*, рус. диал. *лáнить* „класть заплаты, чинить“. Еще Я. Эндзелин сомневался в исконно русском происхождении смоленского диалектизма *лáнить* („echt russisch?“ — МЕ II, 439). В настоящее время глагол *лáнить* известен и за пределами Смоленской области, но у него можно отметить совершенно четко ограниченный ареал: северо-западная часть России и русские говоры на территории прибалтийских республик (СРНГ 16, с. 263)³. Как известно, это — типичный ареал славянских балтизмов в диалектах русского языка. Таким образом, ареальный анализ говорит в пользу заимствования слов *lána* „заплата“ и *лáнить* (*лáниць*) „латать“ из балтийского в славянский.

В. Урбутис приводит с.-хорв. диал. *lap* „доскут; участок земли“ для доказательства исконности блр. *lána* и других родственных слов (указ. соч., с. 35). Однако нам известен целый ряд балто-южнославянских лексических изоглосс, в которых совершенно не участвуют западно- и восточнославянские языки. Напр., с.-хорв. *céja* „сестрица“ ~ лит: *se'jà* „сестра“, с.-хорв. (XVIII в.) *degati se*, словен. *degáti se* „ссориться, ругаться“ ~ лит. *daigótis* то же и др. Едва ли можно говорить об исконном, а не о заимствованном характере блр. *рагана* и польск. *ragana* „ведьма“ только на том основании, что у лит. *rãgana* и лтш. *ragana, ragane* есть соответствие в южнославянском ареале: с.-хорв. диал. *rógoña* (в значениях „рогатое животное“ и „ведьма“ ~ „черт“).

При сложности разграничения исконно родственной и заимствованной лексики в балто-славянском ареале особо важное значение приобретают словообразовательные данные. В. Урбутис, приведя 5 примеров деривационных отношений типа блр. *lána* : *лáниць* (блр. *мáсла* : *мáслиць*, *тумán* : *тумáниць*, *лáта* : *лáциць*, рус. *пáкля* : *пáклить*, др.-рус. *платъ* : *платити*), делает вывод: „*tiek daug ir tokių artimų paralelinių opozicijų baltų kalbose porai lõpyti : lõpas vargiai susirastų*“ (указ. соч., с. 36). Не касаясь вопроса об относительной частоте употребления данной словообразовательной модели в балтийском и славянском (кто здесь проводил подсчеты?), а также явно заимствованного характера слов *тумán* (тюркизм) и *пáкля* (балтизм), отмечу, что отыменные

³ Единственное исключение — переселенческие иркутские говоры.

образования на *-yti* и *-īt* имеют достаточно широкое распространение в балтийских языках. Сюда можно отнести, напр., лит. *dūmai : dūmyti, rūkas : rūkyti* (ср. блр. *туман : туманіць*), *vielà : viėlyti* „verti kiaulei į nosį vielä“, *māzgas : mazgūti, kuřpas* „drabužio skiautė, lopus“ : *kurpūti* „lopūti“⁴ (ср. блр. *лама : лаціць*) и т. п. Лтш. *zēlts : zēlīt* связаны между собой так же, как и рус. *золото : золотіть*⁵, а лит. *sniėgas : snaigūti* — как рус. *снѣгъ : снѣжіть*. Более того, П. Скарджюс указывает на глубокую древность этой балто-славянской модели⁶, а Я. Эндзелин отмечает, что исконно балтийские образования на *-yti, -īt* первоначально были исключительно отыменными („*pradžioje yra buvę tiktai denominatyvai*“)⁷. Следовательно, видеть в случаях типа лит. *lōpas : lōpyti* = блр. *лана : ланіць* типично славянскую словообразовательную модель у нас нет никаких оснований.

Расхождение в роде в случае лит. *lōpas* ~ блр. *лана* также говорит скорее в пользу заимствования, нежели исконного родства. Генетическая изоглосса лит. *lōpas* — с.-хорв. диал. *lap* отражает один и тот же мужской род. А в процессе заимствования колебания в передаче рода — обычное явление (см. СБ, с. 117–118). Лит. *žluktas* → рус. *жлукта* и *жлукто* (также блр. *жлукта*, укр. *жлукто*, польск. *żlukta* и *żlukto*) — при почти полном отсутствии форм мужского рода. Ту же картину дает и лит. *šūlas* → блр., рус. *шўла, шўло* (также польск. и укр.). Все три рода дает при заимствовании из литовского в белорусский слово *laužas* (→ *ловж, лѡвжа, лѡвжо*). Лит. *lorūklas* „заплата“ отражено в формах женского и среднего рода (*ланікла* и *ланікло*).

Последний случай особенно показателен. Перед нами пример типично балтийского суффикса *-kl-*, которому в славянском ареале, как известно, соответствует синонимичный суффикс *-dl-* (ср. лит. *árklas* = чешск. *rádlo*, польск. *radło*, рус. *рало* и др.). Вот почему блр. *ланікла*, в отличие от лит. *lorūklas*, не может быть исконным словом. Типично балтийский аффикс, даже при наличии близких славянских соответствий, нередко позволяет надежно отграничить исконно славянское слово от балтизма. Так, *орьба́* — русское слово, а рус. диал. *аріба* и *оріба* — балтизм. Подобное же расхождение мы имеем в случае рус. *у-садьба* и блр. *садзіба* „усадьба“ (балтизм)⁸. Наличие

⁴ Синонимичность слов *kuřpas* и *lōpas* отразилась и во фразеологии: *kurpas ant kurpo = lopus ant lopo*.

⁵ Endzelīn J. Lettische Grammatik. Riga, 1922. S. 635.

⁶ Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. P. 635.

⁷ Endzelynas J. Baltų kalbų garsai ir formos. Vilnius, 1957. P. 180.

⁸ Лаучюте Ю. Словообразовательный критерий выделения балтизмов в славянских языках // *Baltistica*. 1972. I priedas. P. 91.

четко выделяемого суффикса *-kl-* в славянском слове обычно служит достаточным основанием для отнесения его к числу балтизмов⁹.

Особый интерес представляет редкая белорусская диалектная (Оршск.) форма *láńilka*. И Ю. Лаучюте, и В. Урбутис (с оговоркой: „galbūt“) считают, что в случае *láńikla* ~ *láńilka* имела место метатеза. Однако в вопросе о направлении изменения слова оба автора придерживаются прямо противоположных точек зрения. В. Урбутис, считая форму *láńilka* исконно славянской, приводит не очень удачную параллель: блр. *пастаўлка* „отстоявшаяся сметана“ (указ. соч., с. 35). Для пары блр. *láńiць* — *láńilka* более подходили бы примеры типа *сушiць* — *сушiлка*, *тачiць* — *тачiлка*, *паiць* — *паiлка* и т. п. Предположение о том, что под влиянием приведенной словообразовательной модели заимствованное из лит. *lopỹklas* (resp. **lõpyklas*) блр. *láńikla* было (в единичном случае) преобразовано посредством метатезы в *láńilka* (ср., напр., блр. *цадзiлка*), выглядит более правдоподобным, чем обратное направление метатезы. В последнем случае следовало бы предположить, что обычное славянское слово на *-лка* было преобразовано совершенно непонятным образом, и это непонятное по своей форме слово получило более широкое распространение, чем единичное слово *láńilka*. Ни одного случая метатезы типа рус. *цѣдилка* → **цѣдикла* не встречается ни в одном славянском языке. Наконец, место ударения у славянских образований на *-лка* обычно приходится на предпоследний слог: блр. *пáрыць*, но *пары́лка*, *гладзiць*, но *гладзíлка* и т. п. В то же время лит. **lõpyklas*¹⁰ закономерно дает блр. *láńikla*.

Нельзя не отметить также, что лит. *lõpas* — *lõpyti*, *lõpinti* — *lopikis* = лтш. *lāpikis* — *lopỹklas* (*lõpyklas*?) — *lõpytojas* отражают весьма сложную и распространенную балтийскую словообразовательную модель, осложненную еще и параллелизмом в образовании форм на *-uklas*, *-yklà* и *-ėklis*. Ср. лит. *lopỹklas* — лтш. *lāpeklis* „починка, штопка“ и, напр., лит. *kibỹklas* = *kibėklis* „вешалка“.

Что касается примеров типа блр. *лáпень*, *лáпiнка*, рус. диал. *лáпина* и др., то они могут представлять собой как появившиеся на основе заимствованных слов славянские образования, так и славянизированные балтизмы. Напр.: лит. *lopiniũs*, вин. п. *lõpinĩ* → блр. *лáпень*, *лáпiнка* (со славянским вторичным

⁹ Примеры см. в ст.: Откупщиков Ю. В. Рус. диал. *кувиклы* // Baltistica. 1987. Т. 23(1). Р. 30. К ним следует добавить случай, наиболее близкий к балтизму *láńikla*: блр. *Вары́кла* (поле) — из лит. *Varyklà* ← *varyklà* „выгон“ (Мікратапанімія Беларусі. Мінск, 1974. С. 40). Совершенно очевидно, что этимология этих слов связана с лит. *varýti* „гнать“, а не с блр. *варыць*.

¹⁰ LKŽ VII, 649 дает форму *lopỹklas* — что, однако, расходится с такими производными глагола *lõpyti*, как *lõpumas*, *lõpytojas* и др.

суффиксом¹¹) и т. п. Исключительная близость и почти полная идентичность балтийских и славянских словообразовательных моделей¹² не позволяет в каждом конкретном случае провести четкую грань между балтийскими заимствованиями и славянскими новообразованиями, сформированными на основе этих балтизмов. Более того, балто-славянская словообразовательная близость не всегда позволяет надежно отграничить исконно родственную лексику от заимствованной и даже в отдельных случаях решить вопрос о том — что перед нами: славянский балтизм или же балтийский славизм.

Во всяком случае, ареальный и словообразовательный анализ говорит в пользу того, что блр. *láníkla* является литуанизмом. К балтийским заимствованиям, по всей видимости, следует отнести блр. и рус. диал. *lána* „заплата“, а также блр. *láníць* и рус. диал. *láníть* „латать“.

¹¹ Ср. лит. *margėlis, margėlė* „бык (корова) пестрой масти“ → блр. *маргэль*, польск. *margiel* и *margialka* (СБ, с. 47).

¹² См., в частности: Мартынов В. В. Праславянская и балтославянская суффиксальная деривация имен. Минск. 1973. С. 10—11.